

С началом третьего раунда право сдавать вновь перешло к Гао Ханю.

Карты он перемешивал столь же ловко, как и прежде, без всякого жульничества.

Однако теперь он заметно сбавил темп. Карты ложились ровнее и плотнее, словно костяшки домино в идеально выверенной цепочке, плавно перетекая из одной ладони Гао Ханя в другую по безупречной дуге.

Дважды перетасовав колоду, Гао Хань с сухим стуком опустил её перед собой.

Не дав картам рассыпаться, он ловким одновременным движением обеих рук выхватил несколько штук из середины и с боков, а затем, пустив в ход индийскую тасовку, вновь превратил колоду в плавный, струящийся поток.

Юй Шэнь сосредоточенно следил за каждым его движением, изредка взмахивая длинными ресницами.

На сей раз Гао Хань перемешал колоду на славу. Сдав себе положенные карты, он пододвинул остаток колоды сопернику и слегка подался вперед.

— В этой раздаче банк у меня, так что и правила диктую я, — самоуверенно ухмыльнулся он, глядя Юй Шэню прямо в глаза. — Проявим уважение к Старому кампусу: сдавать тебе я не стану. Тяни сам, Юй Шэнь. Как тебе такая идея?

— Сам? — Юй Шэнь тихо рассмеялся. — И ты не боишься, что я вытяну обоих джокеров, и большого, и малого?

При упоминании джокеров Гао Хань на миг переменялся в лице, но тут же вернул себе прежнюю невозмутимость.

— Да тяни что хочешь, — отозвался он еще более высокомерно. — Если сумеешь вытащить обоих — значит, заслужил. Это тоже надо уметь.

Юй Шэнь не стал спорить и лишь вопросительно взглянул на завуча.

— Если сдающий и игрок пришли к соглашению, самостоятельный добор карт допускается, — уловив его немой вопрос, кивнул завуч, давая добро.

Юй Шэнь молча кивнул и вытащил пять карт. Гао Хань впился взглядом в его пальцы.

Но, к своему разочарованию, ничего подозрительного так и не уловил.

Юй Шэнь тянул карты небрежно и изящно, словно ему было абсолютно плевать и на собственный расклад, и на издевательский вызов оппонента.

У Гао Ханя отлегло от сердца. Почувствовав себя полным хозяином положения, он дождался, пока Юй Шэнь сделает первый взнос, и тут же без колебаний увеличил ставку вдвое.

Редко кто идет на такое в первом же раунде, если только не уверен в своей победе на все сто процентов.

И Гао Ханю этого казалось мало — он с радостью взвинтил бы ставки еще сильнее, в три или четыре раза. Сдерживало лишь понимание, что столь резкий выпад будет выглядеть слишком театрально, а ведь ему хотелось раздавить Юй Шэня красиво и беспощадно.

Соперник, похоже, и впрямь растерялся: его пальцы на миг замерли над экраном смартфона, а сам он глубоко задумался.

Пауза затянулась, и завуч счел нужным вмешаться:

— Ставки сделаны. Вскрываемся или продолжаем игру?

Юй Шэнь наконец развернул экран к столу, показывая открытое приложение:

— Продолжаем. Я коллирую.

Но несмотря на уверенный тон, баланс его жетонов в приложении уже просел больше чем наполовину. Положение казалось отчаянным.

Гао Хань, разумеется, тоже заметил плачевное состояние чужого счета. Он издевательски ухмыльнулся:

— Слышь, Юй Шэнь, если тебе так дороги твои крохи, может, не стоит упрячиться? Сбросишь карты сейчас — потеряешь всего пять жетонов. Умей вовремя отступить, парень.

Юй Шэнь холодно посмотрел на него:

— Хочешь сказать, у меня не хватит средств?

— Воу, полегче, дружище, я этого не говорил, — Гао Хань шутливо погрозил ему пальцем.

Затем он подцепил ногтем один из жетонов и поднял на уровень глаз:

— Я лишь даю дружеский совет. Ты ведь прекрасно понимаешь, какова цена одного такого кругляша?

— Разумеется, — с холодным смешком парировал Юй Шэнь. — Именно поэтому я и иду на риск. С чего ты взял, будто победа у тебя в кармане? А если выиграю я, куш ведь удвоится?

Гао Хань от такой наглости опешил.

Пожалуй, это была самая длинная реплика, которую Юй Шэнь позволил себе за все время игры. Но дело было даже не в длине — в его голосе явственно прозвучали нотки раздражения и глухого гнева.

Как опытный игрок, Гао Хань прекрасно понимал природу этой вспышки.

Так всегда ведут себя азартные люди, когда ставки растут, а ситуация выходит из-под контроля — безумный коктейль из дикого предвкушения и панического страха совершить ошибку.

И предчувствие его не обмануло: Юй Шэнь коснулся экрана смартфона и выложил на кон свой сердечный жетон.

— По правилам вашей школы, раз у меня есть это, — Юй Шэнь указал на особый сердечный жетон, резко выделявшийся среди остальных, — я могу уравнивать любую твою ставку, верно?

Гао Хань онемел и едва не подскочил на стуле от изумления:

— Ты рехнулся?! Ставишь на кон сердечный жетон?! Если ты его профукаешь, Старый кампус лишится последнего свободного человека! Ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?!

— И что с того? Я не собираюсь проигрывать, — равнодушно отозвался Юй Шэнь. — Я просто даю тебе понять: твою ставку я приму. Так что не скромничай, ходи.

Безумный жест Юй Шэня поверг собравшихся зрителей в шок.

И если представители Старого кампуса хранили гробовое молчание, то среди облаченных в черную форму парней из Нового кампуса мгновенно поднялся невообразимый гул.

— Ну ни хера себе! Этот Юй совсем без тормозов. Решил до конца на рожон переть?

— Какое там «до конца», его же сейчас раздавят к чертям! Сдулся парень после первого же серьезного наезда, раз сразу козыри вывалил. Слабак.

— Да ладно вам, а вдруг у него реально сильная рука и он выиграет?

— Выиграет? Хрен там! Сливать сердечный жетон в самом начале раздачи — это чистое безумие. Он просто сторчался от азарта.

Пока парни шептались, Лю Хэ вполголоса беседовал с Лян Циншу.

Собственно, Лян Циншу с самого начала первого раунда почти не следил за игрой.

Как наблюдатель он бросил лишь пару мимолетных взглядов на стол в ключевые моменты. Всё шло строго по сценарию Гао Ханя. Легкая, предсказуемая победа лишала зрелище всякого интереса, навевая на председателя лишь скуку.

Неужели это всё?

Человек, способный извлекать из скрипки столь божественные звуки, во всем остальном оказался на редкость заурядным и скучным.

А решение Юй Шэня поставить на кон сердечный жетон и вовсе разочаровало Лян Циншу.

После второго раунда у него еще теплилась надежда, что упрямец прячет в рукаве какой-то туз, но реальность оказалась банальнее. Никакого плана у Юй Шэня не было — лишь слепая, паническая попытка отыгаться, с упованием на мифическое везение.

— Председатель, — Лю Хэ почтительно склонился перед Лян Циншу. Заметив, что тот витает в облаках, он негромко позвал его: — Насчет Гао Ханя, о котором я только что говорил...

— Я понял, — отозвался Лян Циншу, даже не пытаясь вникать в суть. — Как только Гао Хань закончит, выпиши ему сотню обычных жетонов в качестве награды.

— Да нет же, я не о выигрыше, — занервничал Лю Хэ. — Я о том, что он запускал руку в общую кассу. Грел карманы за счет взносов и подкармливал своих дружков.

— Вот как? — Лян Циншу явно было глубоко плевать на эти мелочи. — Ну так разберись с этим сам.

— Сам?... — Лю Хэ замялся. — В смысле... насколько жестко мне с ним поступить?

— Делай что хочешь, — Лян Циншу одарил его пронизательным взглядом, мгновенно разгадав мелкие амбиции подчиненного. — Или тебе нужно особое благословение?

— Что вы, этого более чем достаточно! — просиял Лю Хэ. — Я всё улажу и сразу же предоставлю вам подробный отчет.

Лян Циншу лишь снисходительно улыбнулся в ответ.

Эта короткая сцена между лидером и его прихвостнем не укрылась от внимания Юй Шэня.

С его места судейский стол практически не загораживал обзор — они с Лян Циншу сидели друг напротив друга.

И теперь, когда грузная фигура завуча сместилась в сторону, между ними вообще не осталось никаких преград.

Да и не заметить Лян Циншу было сложно — он приковывал к себе взгляд вопреки воле.

Он царил среди этих парней: каждый, кто приближался к нему, либо угодливо склонял голову, либо опускался на колени, не смея даже дышать в его присутствии слишком громко.

Его темный силуэт, дополненный черным плащом, казался овеществленной тенью этого ненастного, давящего дня. Даже боковым зрением Юй Шэнь отчетливо различал эту мрачную фигуру.

Юй Шэнь прекрасно видел, что первые два раунда Лян Циншу откровенно скучал, лишь изредка лениво сканируя взглядом стол.

Однако стоило пойти в ход сердечному жетону, как на губах председателя заиграла слабая, довольная улыбка.

Довольная?

При виде этого у Юй Шэня едва заметно напряглись скулы.

«Что ж, торжествуй пока. Это ненадолго».

<http://bllate.org/book/19712/2000759>